

Теистический эволюционизм как новое арианство

Священник Даниил Сысоев

Причастный к Источной Мудрости св. Афанасий как-то назвал Ария предтечей антихриста, а литургическое предание считает его учение квинтэссенцией всех ересей. И вот в наше время мы вновь столкнулись с новой модификацией этой древней ереси. Речь идет о теистическом эволюционизме или как еще называют себя его сторонники – телеологизме. Многим это сравнение покажется натянутым, фанатичным, “мракобесным” и совершенно необоснованным. Однако это совершенно не так. Обоснование этому утверждению мы дадим ниже, после того, как определим, что такое телеологизм и какие существуют его модификации.

Часто люди думают, что телеологизм (или как его еще часто называют, “теистический эволюционизм”) представляет из себя нечто целостное, некую альтернативу буквалистическому “ненаучному” пониманию книги Бытия (являющемуся на самом деле традиционным учением Церкви). Но совершенно не так обстоит все на самом деле. Как и в “альтернативном буквалистическому никейству” арианстве было множество направлений, объединенных лишь отвержением Никейского Символа, так существует целая гамма различных учений телеологов, не согласных и с Преданием, и между собой. Они подобны многоголовой гидре или коже хамелиона, не имеющих внутри себя твердости, но одинаково противящихся Истине. Расположим их в порядке усиления их расхождения с изначальной верой Церкви и будем помнить, что даже кажущиеся вполне терпимыми отклонения от богопреданного Откровения, входят в качестве составного элемента в системы, чья несовместимость с христианством очевидна каждому. Именно с этим связано то, что адепты одной из доктрин зачастую поддерживают куда более радикальные построения телеологов. (Например, о. Андрей Кураев солидаризовался с концепцией Тейяра де Шардена!).

Но перейдем к перечислению антишестодневных идей:

1. Самой “безобидной” является концепция утверждающая, что дни Творения должно понимать как буквально равные суткам только начиная с 4 дня, а те дни, которые шли до сотворения светил длились неопределенно долгий период времени. В остальном сторонники этой концепции учат о творении мира полностью по православному и отвергают всякую возможность эволюции. Но сама возможность понимания дня творения как эпохи приводит к тому, что открывается лазейка для протаскивания телеологистских идей. Кстати, такое выделение первых трех дней совершенно не оправданно даже с точки зрения послеперниковской астрономии, утверждающей, что причиной суточного ритма является обращение Земли вокруг своей оси, никак не связанного со светилами.

2. Более радикальным пересмотром откровенной истины является толкование всех дней как равных неопределенно долгому периоду времени (миллиардам лет), но при этом еще сохраняется вера в то, что Бог сотворил весь мир Своей силой без помощи эволюции. Однако уже пред сторонниками этой теории “дня-эпохи” встает неразрешимая задача – объяснить происхождения тления в новосозданной Вселенной до грехопадения человека.

3. Следующей по удалению от Истины является мнение, что имело место творение живых существ из животных других пород при помощи Бога. Тут происходит попытка ввести в Православие идеи Голдшмидта и Гоулда (“небезнадежный урод”), отвергнутые “традиционной наукой”. При автор этой концепции (прот. Стефан Ляшевский) все же

отделяет от всех животных человека, который, по его учению, сотворен непосредственно Богом из праха земного.

4. Далее процесс усвоения псевдонаучной мифологии все усиливается. Возникает учение, что человек создан из человекообразной обезьяны, в которую Господь вдунул бессмертную душу. (О. Глеб Каляда, о. Андрей Кураев, о. Николай Иванов и т.д.).

5. Сторонники следующего мнения уже полностью принимают неodarвинистскую концепцию происхождения видов в результате естественного отбора и мутаций, и различаются они тем, что для одних (о. Андрей Кураев) этот процесс шел как результат синергии мира (обладающего, по их убеждениям, собственной волей - что воспроизводит ересь гностика Гермогена) и Бога.

6. Другие утверждают, что вмешательство Бога проявляется как фактор случайности мутагенеза (Гоманьков).

7. Третьи, что эволюция - следствие изначально заложенного при появлении жизни стремления к самосовершенствованию (о. А. Мень).

8. Дальше происходит еще большее сужение сферы деятельности Творца, которая сводится к трем моментам – Большому Взрыву, появлению жизни и разума (о. А. Мень, о. Г. Каледа). Видимо Бог в их представлении оказался очень брезгливым и решил поменьше пачкаться о собственное творение.

9. Как следствие возникает вопрос о причинах столь долгого труда и телеологисты находят вполне манихейское объяснение этому. Эволюция - это результат борьбы Логоса с сатаной (прот. А. Мень, свящ. Г. Кочетков).

10. Еп. Василий (Родзянко) довел эту идею до логического конца, сказав, что мир в котором мы живем, вовсе не является творением Бога, а дьявола, а книга Бытия говорит о создании другой Вселенной, которая разрушена грехопадением.

11. Возникает учение, что первозданный Адам вовсе не историческая личность, а каббалистический Адам Кадмон, Всечеловек (еп. Василий, прот. Мень).

12. И наконец Шарден довел это богохульство до логического конца. По его мнению сам эволюционный процесс – это возникновение и самоосознание бога, в котором нет места потусторонним вмешательствам, ибо бог растворен в этом мире и в нем он до конца осознает себя. Поэтому нет никакого радикального отличия между добром и злом, жизнью и смертью, разумом и безумием – все это лишь этапы процесса самосовершенствования неумелого духа, призванного стать Богом. Конечно у него не остается никакого сходства с Библейским Откровением. Вместо Адама – группа человекообразных обезьян, ничем принципиально не отличающихся от животных, вместо Иисуса исторического космический Христос¹. Таким образом телеологизм закономерно приходит к своим истокам – теософии, немецкому романтизму (гегелианству), гностицизму и пантеизму, переходящему порой в яростный антитеизм.

И теперь, после того как мы прояснили, что такое телеологизм, мы можем перейти к обоснованию основной мысли нашей статьи – обоснования того, что телеологизм является модификацией арианства. Действительно, если вдуматься, мы увидим, что основная космогоническая интуиция арианства и телеологизма полностью совпадают, как тождественны и изначальные посылки, приведшие к этим выводам. Ведь или для Ария, и для современных “православных” телеологистов Причиной существования видимых нами предметов – звезд и крокодилов, людей и бананов, планет и бабочек – является не Сам Сущий Бог Творец, а некая вторичная тварная причина. Единственное отличие, выгодно отличавшее Ария от нынешних телеологистов, заключается в том, что эта вторичная причина для первого была все-же разумной (сотворенный Логос), в отличие от последних, считающих что причиной порядка является бессмысленное, мертвое чудовище эволюции (как справедливо называл ее А. Ф. Лосев). По справедливым словам свят. Афанасия, “в этом отношении чудные сии люди приложились

уже к манихеям. Ибо и те именуют по имени только благого Бога, и не могут указать ни видимого, ни невидимого Его дела; отрицая же истинного и действительного сущего Бога, Творца неба и земли и всего невидимого, без сомнения, слагают чистую баснь. То-же, кажется мне, испытывают на себе и сии зломысленные. Ибо видят дела истинного и единого во Отце сущего Слова, и отрицают Его, вымышляют же себе иное слово, которого не доказать ни из дел, ни по слуху, слагают басни, примышляя сложного бога, который, как человек, говорит и изменяет слова, и точно опять также мыслит и умудряется; между тем не видят, в какое неразумие впадают, говоря это".² Именно это можно сказать и о божестве эволюционистов, который создан по их собственному образу и подобию. Ведь при всех своих ухищрениях и потугах представить из себя православных христиан, они действительно, как и ариане, не могут указать ни одного видимого нашими телесными глазами дела Бога Творца. Солнце и Луна для них сформированы гравитацией, животные и растения – мутациями и естественным отбором. Моря и реки – результат постепенного охлаждения раскаленной планеты. Для Бога чаще всего оставляют те вещи которых не увидишь, – законы природы (и то не все, а чаще четыре мировых взаимодействия, да и те стараются свести к одному), принцип жизни (но ни какое из конкретных видов живых существ), человеческую душу (при условии если признается ее существование). Точно также отвергается всякое очевидное действие Бога в истории, под выдуманной предлогом будто-бы очевидное чудо может лишить человека свободной воли (мнение А. Карташева и прот. А. Меня). Из-за этого отвергается реальность Всемирного Потопа, разделение Красного моря, Египетские казни и многое другое, вплоть до Евангельских чудес (свящ. Г. Кочетков).

Но теперь необходимо привести святоотеческую аргументацию, направленную против этой арианской парадигмы. Свят. Афанасий пишет: "Ибо если, по словам вашим, произошел Он из не-сущего; то как возможно Ему соделывать сущим не-сущее? Если же созидает тварь, Сам будучи тварью; то и о каждой твари должно будет представить тоже, а именно, что и она может созидать. Но если соглашаетесь на это, то какая потребность в Слове, когда низшие твари могли получить бытие от тварей высших, или вообще, каждая созданная вещь могла услышать от Бога: "да будет!" или: "да созиждется!" и таким образом создалась бы каждая тварь? Но этого нет в Писании; это и не возможно; потому что ничто созданное не есть причина творящая"³. Этот аргумент является одним из наиболее сильных и всей тяжестью обрушивается на "православных" эволюционистов. Ведь само признание способности тварей к самотворению приводит к отвержению учения о уникальной природе Бога, Того Единственного, Кто обладает творческой мощью и может делать нечто небывалое. Ведь для того, чтобы творение могло сотворить нечто принципиально новое, оно должно иметь возможность поставить себя за пределы пространственно-временного континуума, а как показал Кант, само понятие пространства и времени заложено в наш ограниченный разум. И касается это не только разума человека, но любого тварного существа, ибо любое творение предполагает причастность к изменению – т.е. некоей форме временности, и потому ограниченность в пространстве (пусть даже самом необычном), тем более что актуальная тварная бесконечность невозможна из-за своей внутренней противоречивости и потому любой сотворенный разум должен обладать общими свойствами целого – ограниченностью пространством и временем. А раз так, то требуемое необходимое условие для творения принципиально нового существа невыполнимо ни для кого, кроме запредельного вечного Бога.

К слову говоря мысль святителя Афанасия невольно подтверждают и наблюдаемые наукой факты. – Единственное, подвластное ее методам существо, могущее творить – человек, способен лишь к новой комбинации уже существующих реальностей и не может, например, изобрести четвертого основного цвета. А если даже это разумное

существо не способно изобрести чего-то принципиально нового, то насколько глупы те, кто считает, будто бессмысленная и неупорядоченная материя сама собою породила Вселенную!

Как добавляет к этим рассуждениям богомудрый Василий Великий, “если Бог постыдился Сам совершить создание настоящей твари: то не принимает от нее и славословия; ибо что постыдился произвести, того и произведением Своим признать не захочет”⁴. Таким образом сторонники телеологизма не должны рассчитывать на то, что их молитвы будут услышаны на высоте. Совершенно очевидно, что эти люди не могут быть православными священнослужителями, призванными примирять людей с истинным Создателем, да и просто заходить в храм - названный Спасителем домом молитвы (Мф.21, 13). Многим это утверждение покажется жестким, но оно с необходимостью вытекает из того факта, что само их тело, и всю видимую Вселенную (включая материалы, из которых сооружено храмовое здание) они приписывают не безмерносильной Мощи Творца, а каким-то тварным посредствам.

Еще одним сходством с арианами у телеологистов является их стремление идти в ногу со временем. Так один известный современный экстравагантный обновленец, игумен Иннокентий (Павлов) говорил в выступлении на радио “София” : “Я помню, мне тут одна вполне интеллигентная, образованная дама сказала: “ну я вот не хочу, чтобы мой ребенок в школе изучал дарвиновскую теорию эволюции”. Ну, я говорю: “милостивая государыня, простите, ну она принята наукой. И то, что принято наукой, то что стало частью в общем-то мировой культуры, это ребенок должен знать. Другое дело, что как христианин он соответствующим образом может преломить в своем сознании. Мы имеем прекрасные опыты, как это сделал Тейяр де Шарден” (“София” 11.10. 2000. Игумен Иннокентий Павлов). Подобные рассуждения приходится слышать и от других деятелей. Например Е. Полищук так “обличает” святых Отцов и их современных сторонников - креационистов: (креационисты говорят) “толковать надо только так, как делали это святые отцы. Но толковать - значит размышлять, а не греметь цитатами. Святые отцы не знали многое из того, что знает ныне любой школьник”⁵. И на этом основании он отвергает традиционное понимание книги Бытия. Но мы помним ответ св. Афанасия на утверждения предшественников современных эволюционистов: “подобает служить не времени, но Господу”⁶. Ведь отцы на самом деле знали мир не тем способом, каким его познает его ныне наука, а принципиально иным. - Они опирались на Откровение Всеведущего Творца, а наука - на ежеминутно меняющиеся представления, которые часто почти не имеют отношения к наблюдаемой реальности или даже ей противоречат.

По глубоким словам П. Фейерабента, **“тот факт, что модель работает хорошо, сам по себе не означает, что реальность структурирована так же, как эта модель.** (выделено мною - с.Д.) Этот здравый тезис – один из “первозлементов” научной практики. Приближения в науке используются на каждом шагу – с тем, чтобы облегчить расчеты внутри определенного диапазона параметров. Свойства и основания этих приближений часто отличаются от свойств и оснований теорий, из которых аппроксимации “выросли”. Поэтому, если теория, как предполагается, соответствует реальности, то приближения не могут соответствовать ей в том же смысле этого слова. С другой стороны, теории часто строятся как шаги на пути все более удовлетворительного описания пока неизвестной картины мира. Они могут работать вполне успешно, но сама цель, ради которой они были созданы, препятствует нам выводить из них следствия о реальности. Таковы, например, старая квантовая теория и ньютоновская теория тяготения – в трактовке самого Ньютона. И даже формально совершенная теория, обладающая удивительными прогнозными свойствами, может потерпеть фиаско при попытке трактовать ее как непосредственное изображение реальности.

Пример – волновая механика Шредингера. Она элегантна, внутренне согласована, “удобна в обращении” и очень успешна. В основе ее лежит предположение, что элементарные частицы являются волнами. Однако Бор и ученые его школы, проанализировав широкий круг явлений, установили, что эта интерпретация противоречит ряду важных фактов. (Эта интерпретация вызвала и формальные затруднения, в частности, так называемое сокращение волнового пакета и лоренц-неинвариантность самой теории).

А взять лучшие теории современной физики – общую теорию относительности в ее современном виде и общую квантовую механику. Несмотря на все усилия, сегодня невозможно создать согласованную картину, удовлетворяющую им обоим – предположения одной теории прямо противоречат предположениям другой. Можем ли мы после этого считать, что каждая из них дает нам верное описание реальности? Я – нет. Я могу лишь утверждать, что они суть полезные модельные приближения, и что мы не имеем никакого представления, на что похожа реальность, которую они аппроксимируют”⁷.

За долго до этого философа Церковь сформулировала свое отношение к вопросу о границах науки в постановлении Константинопольского Собора 1076 г. против Иоанна Итала (за цитирования которых на автора доклада сильно, и напрасно, обижались эволюционисты): “Тем, которые выдают себя за православных, а между тем бесстыдно, или паче, нечестиво, привносят в учение православной кафедральной Церкви нечестивые мнения языческих философов о душах человеческих, о небе, о земле и прочих тварях, анафема.

Тем, которые вместо того, чтобы с чистою верой, в простоте сердца и от всей души признавать за несомненные события великие чудеса, совершенные Спасителем нашим и Богом, нетленно родившей Его Владычицей нашей Богородицей и прочими святыми, силятся посредством мудрований софизмов выставлять оные невозможными или перетолковывать так, как им кажется, и упорствуют в своем мнении, анафема.

Тем, которые слишком дружелюбно приемлют языческие науки и изучают их не для одного только образования себя, а следуют и преподаваемым в них ложным мнениям, принимая их за истинные; и кои до такой степени прилепляются к сим мнениям, как к имеющим какое-нибудь твердое основание, что увлекают к ним и других тайно, а иногда и явно, и научают тому не обинуясь, анафема.

Неправо изъясняющим богомудрые изречения св. учителей Церкви Божией и покушающимся перетолковывать и извращать смысл учения, ясно и определенно благодатью Святого Духа изложенного, анафема”⁸.

К сожалению, хотят они или не хотят, но сторонники теистической эволюции в своей гносеологии вполне подпадают под эти определения. Так же как в своей космогонии они вполне адекватно воспроизводят учение Ария - величайшего и “образцового” ересиарха.

Примечания

1. Пьер Тейяр де Шарден. Божественная среда. М. 1992. с. 176. с. 219-229.
2. Святитель Афанасий Великий. Творения. Издание Спасо-Преображенского Валаамского монастыря. М. 1994. Том. II. С. 30-31.
3. Святитель Афанасий Великий. Творения. Издание Спасо-Преображенского Валаамского монастыря. М. 1994. Том. II. С. 289.
4. Творения иже во святых отца нашего Василия Великого архиепископа Кесарии Каппадокийския. Ч. III. М. 1993. С. 160.
5. Полищук Евгений. Сотворение мира: экзегетика или идеология? // Московский Церковный вестник. №22 (228) декабрь 2001. С. 11.

6. Святитель Афанасий Великий. Творения. Издание Спасо-Преображенского Валаамского монастыря. М. 1994. Том. II. С.5
7. П.Фейерабенд. Галилей и тирания истины. Наговоренное на пленку выступление в Папской Академии (Краков). Текст был опубликован также в сборнике "Дело Галилея: встреча веры и науки", Ватикан, 1985.
8. Анафема. История и XX век. Составитель Петр Паламарчук. Издание Сретенского монастыря. 1998.стр.139 –141.